

Алексей Будищев

Безумие ли?

Алексей Николаевич Будищев

Безумие ли?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18471312

Аннотация

«Я всегда злюсь, когда начинаю влюбляться, и в этом нет ничего удивительного; кому же охота отдавать себя в рабство?

Итак, она уехала, пригласив меня бывать у неё.

Когда я улегся в постель, мне внезапно вспомнились слова Томилиной, сказанные после того, как Валентина Сергеевна бросила в мою шляпу три виноградины...»

Алексей Будищев

Безумие ли?

Я всегда злюсь, когда начинаю влюбляться, и в этом нет ничего удивительного; кому же охота отдавать себя в рабство?

Итак, она уехала, пригласив меня бывать у неё.

Когда я улегся в постель, мне внезапно вспомнились слова Томилиной, сказанные после того, как Валентина Сергеевна бросила в мою шляпу три виноградины.

– Эта женщина – мудреная загадка. Она прогнала от себя мужа, блестящего и умного, который сходит по ней с ума. Впрочем, где-то далеко, в её имении, кажется, живёт её постоянная привязанность, к которой она возвращается после каждого своего увлечения.

В её имении – это, стало быть, в «Голодной балке». Однако, кой чёрт тут живет? Ведь не влюблена же она, в самом деле, в мою тетушку?

В эту ночь я заснул не скоро. На другой же день я был у Валентины Сергеевны. Я бывал у неё целую неделю изо дня в день и по её глазам прекрасно изучал географию «того света». Я по целым часам глядел в них, глядел до тех пор, пока не чувствовал головокружения и озноба. Я потерял сон, аппетит, свободу и покой, все то, что привык ценить очень дорого.

О, любовь, та любовь, которая зарождается при первой встрече и основывается не на уважении и симпатии, а Бог ее знает на чем!

Я очень зол на наших прародителей, обрекших нас своим грехопадением на эту пытку. Ведь эта болезнь – нечто в роде изнурительной лихорадки и бешенства.

Однако, продолжаю. Одним словом, я сходил с ума по Валентине Сергеевне и однажды рыдал у её ног до тех пор, пока она не ответила на мое «люблю» поцелуем. Говоря высоким слогом, я испил чашу любви до дна. Я просиживал у ног этой женщины целыми днями с вечно-жаждущими губами, и говоря все то, что говорится в подобные минуты, и что на языке здравомыслящих носит название глупостей. И всегда я замечал в Валентине Сергеевне одну загадочную странность. Часто в минуты самых пламенных ласк по её губам пробежало выражение не то презрения, не то брезгливости, обдавая меня всего холодом, И уже тогда я предчувствовал близость разрыва.

Да, это была не женщина, а какой-то мудреный ребус.

Очевидно, её душа всегда витала где-то далеко, но где, – этого я никогда не мог узнать. Я чувствовал только, что я для неё совершенно чужой.

Обстановка, среди которой она жила, тоже была как бы повита какой-то тайной. Её прехорошенький маленький домик в швейцарском стиле своей балконной дверью сообщался с садом, куда глядело также окно её спальни. Это был со-

вершенно запущенный сад с заглохшими дорожками, с кустарником, разросшимся на свободе, с прудом, покрытым ржавчиной и зеленой сеткой болотной ряски. Возле этого пруда, на низком гранитом пьедестале, возвышалась мрачная статуя козлоногого, в рост человеческий, сатира. Его худые, скрещённые на груди руки с выдавшимися ключицами и его искривленные губы были безукоризненны. Эти губы вечно смеялась нагло, дерзко, в то время, как все его лицо было как-то по-божески бесстрастно и неподвижно.

На письменном столе Валентины Сергеевны помещался в красивой раме фотографический снимок с этой статуи, и она говорила мне, что это талантливое произведение принадлежит резцу одного теперь уже умершего дилетанта-скульптора, которому принадлежало ранее и это имение. Она купила его вместе со статуей за восемьдесят тысяч и вполне довольна своей покупкой, так как имение приносит хороший доход.

Впоследствии я узнал, что имение это приносило ей чистейший убыток, так как земля «Голодной балки» заключала в себе столько же жизненных сил, сколько их находится в мумиях египетских фараонов.

Это была не земля, а мумия уже умершей земли. И за этот труп она заплатила восемьдесят тысяч!

Женский каприз должно быть, не имеет пределов.

Через неделю после того, как Валентина Сергеевна позволила мне запечатлеть на своих губках поцелуй, я полу-

чил от неё письмо, заключавшее в себе следующее: «М. Г. Я очень сожалею о том, что произошло между нами. Ради Бога простите меня и не посещайте более. Право же, я искренне раскаиваюсь в своем проступке и прошу у вас тысячу извинений. Если хотите, я становлюсь перед вами на колени. Не посещайте же меня более и не требуйте объяснений».

Далее следовала четко написанная подпись, а затем год, число, месяц, – все весьма точно.

Эта коротенькая записочка ударила меня, как обухом. Я стремглав полетел к ней и не был ею принят. Я был у неё пять, семь, десять раз, и каждый раз меня не допускали дальше передней. В эти посещения я не видел даже кончика её ботинки, не слышал шелеста её платья. Она точно умерла для меня.

Между тем, я продолжал безумствовать. Её смех еще сверлил мои уши, а её, полные загадки, глаза сторожили по ночам мою постель как два выходца с того света. Мне было нужно ее, во что бы то ни стало.

Как-то утром я силой ворвался в её спальню. Она увидела меня и попятилась к степе, как бы растерявшись. Но тут же она овладела собой и подошла ко мне бледная, как всегда с безучастными глазами.

В этих глазах я прочитал себе смертный приговор, до того они были невозмутимо-покойны. Она заговорила.

Она убеждала меня не волноваться, не безумствовать и подчиниться её благоразумному решению.

– Я очень, очень прошу вас об этом, – повторяла она с ленивыми движениями, точно уставшая после болезни или оргии.

Её требования были справедливы. Нельзя же насильно лезть к женщине?

Я вышел от неё, кусая губы.

Я принял твердое решение не беспокоить её более, и, тем не менее, дома я все время думал о ней, и только о ней, точно мой мозг напитался ею, как губка. Я задавал себе тысячи вопросов:

Не передал ли ей кто обо мне какой-нибудь гнусной сплетни?

Не рассердилась ли она на что? Не позволил ли я себе сказать ей чего-нибудь лишнего, одну из тех обидных колкостей, какую женщины никогда и ни под каким видом простить не могут? Или, действительно, у неё есть любовник?

Любовник в «Голодной балке» – это было даже смешно.

О какой же постоянной её привязанности в таком случае намекала мне Томилина?

В конце концов, я не выдержал и вечером, вопреки данному себе слову, пешком отправился к ней.

Я решил добиться от неё объяснения, подкараулив ее в саду, или же, если она не выйдет в сад, пробравшись в её спальню. Было уже темно, когда я, как вор, проник через забор в сад. Месяц высоко стоял над ним и заливал его заглохшие тропинки трепещущим светом. Было тихо, и эти расхо-

дившиеся во все стороны от пруда тропинки, залитые светом месяца, казались мне какими-то фантастическими реками, бесшумно вливавшими в пруд свою фосфорическую жидкость. В затянутом темною сетью водяных растений пруду тихо плескалась вода. Порой, на его тусклой поверхности появлялись блестящие пузыри, мгновенно лопающиеся. И все это в трепещущем свете месяца казалось мне полным тайны.

Признаюсь, мне сделалось даже жутко, когда я осторожно пробирался между чахлыми кустами бледно-зеленой жимолости. И тут я увидел мраморную статую сатира. Сначала, впрочем, я увидел его отражение в пруду. Оно, вероятно, слегка покачивалось водою, потому что его грудь и живот дрожали как бы от смеха. Это производило такой эффект, что я тотчас же оглянулся на самую статую.

Мраморный циник неподвижно стоял вблизи пруда на своём низком пьедестале. Его руки все также были скрещены на груди сильным движением, а его губы кривились от смеха, полного наглости и презрения. Я смотрел на него, притаившись в кустах жимолости, и ждал. Мне казалось, что вот-вот его худые с выдавшимися ребрами бока задрожат от хохота, и его сиплый смех пронесется среди невозмутимой тишины притихшего сада. Но он молчал.

От чахлых кустарников, стоячей воды пруда и от всей хudosочной зелени сада веяло чем-то нездоровым, расслабляющим, погружающим в фантастические грезы. Видал ли ты

картину с изображением двух центавров на мутном фоне сумерек?

Настроение, которое сообщали мне эта больная ночь и этот чахлый сад, было такое, что я нисколько не удивился бы появлению этих двух центавров – мужчины и женщины. Мне кажется, их появление даже гармонировало бы с этим бледным лунным сиянием, с прозрачным паром, подымавшимся от чахлой растительности, с болотными испарениями заросшего пруда.

Я все стоял и ждал.

И в эту минуту я услышал робкий шорох на балконе. Я увидел Валентину Сергеевну. Она осторожно спускалась в свете месяца по ступеням балкона, придерживаясь рукою за его перила и слегка нагнув вперед голову, как бы заглядывая в глубь сада. Её лицо было бледно до неузнаваемости и его выражение... – я никогда в жизни не забуду этого выражения.

С первого же взгляда на это лицо я понял, что она идет на свидание, и вся томится жаждой любви и встречи, и вся боится и трепещет, чтобы кто-нибудь не остановил ее на дороге. Она робко озиралась по сторонам и безмолвно подвигалась в свете месяца среди невозмутимой тишины.

Только платье гармонично шелестело у её ног.

Я стоял, скрытый кустарником жимолости.

Между тем, она подвигалась вперед к мраморной статуе, белевшей над сонным прудом, Она была уже рядом. Она уви-

дела ее, и по её лицу прошла улыбка, а её глаза засветились, как две звезды.

И прежде, чем я успел отдать себе отчет в том, что происходит, она с жестом, полным любви, ринулась к мраморному богу и, обхватив его козлиные ноги бледными, как мрамор, руками, припала к нему.

Это была удивительная картина. Прекрасная женщина, затянутая во все черное, и мраморное тело безобразного сатира.

Я понял все. Это козлоногое чудовище было той самой её постоянной привязанностью, к которой она возвращалась после каждого своего увлечения. Этот развенчанный бог, призванный к жизни властью художника, пришел и отнял ее у нас, простых смертных.

Я продолжал смотреть на эту необыкновенную картину. Мне казалось, что он хохотал во все горло, так что его выдавшиеся на боках ребра как бы двигались, то приподнимаясь, то опускаясь снова. Мне даже чудился этот смех, наглый и циничный, не признававший ничего святого и достигавший до самого неба.

Я больше был не в силах смотреть на это.

Злоба душила меня. В несколько прыжков я очутился возле неё. Я схватил ее за плечи, бросил на землю и высоко поднял свою тяжелую трость над головою хохотавшего уroda.

Его голова со звоном и дребезгом упала к моим ногам. Я с бешенством продолжал свою работу, поднимая и опуская

трость. Куски мрамора сыпались дождем и белыми искрами падали на тусклую поверхность сонного пруда и на черное платье Валентины Сергеевны.

Она глядела на меня глазами беспредельного ужаса. А я продолжал свое дело. Я разрушал мраморное чудовище, как нечто живое, как нечто имеющее душу. Да разве этот смех не был его душою?

Вскоре от всей статуи осталось несколько черепков. Валентина Сергеевна увидела это. Она вскрикнула, как над трупом любимого человека, и, закрыв лицо руками, поспешно побежала к себе на балкон, мелькая на ступенях металлическими пряжками своих башмачков. Она убежала от меня, как от убийцы.

Вот и вся эта история, полная тайны.

Через неделю Валентина Сергеевна продала свое имение за бесценок и уехала неизвестно куда.

Где она, кто она, – я не знаю.

Я говорил об этой женщине с медиками; они повторяли: Это безумие! Это несомненное безумие!

И в доказательство они приводили латинское название этого рода помешательства, точно латинское название может все объяснить.

Но, полно, безумие ли это? Разве эта женщина не была права, отдав предпочтение этому богу и отшвыривая нас прочь своею ногой. Что мы такое? Мелкие козявки, ничтожество, не способное ни на могучую страсть, ни на высокое

самопожертвование, ни на гигантское злодейство, ни на что, что выше аршина от земли. А этот могучий смех, достигавший до неба, – разве он не мог поразить и фантазию, и мысль, и все чувства женщины и отнять ее у нас всю без остатка?

Так вот видишь ли, и уродство может пробудить любовь; нужно только, чтоб оно превышало наш маленький аршинчик.

Если хочешь, можешь напечатать этот рассказ, изменив фамилии и выправив стиль и орфографию. Я хоть и кандидат прав, но, как тебе известно, нахожусь в непримиримой вражде с буквой «с». Кстати я зову ее «в старости», так как прописью она напоминает эту букву, опирающуюся на трость.

Твой N. N.